

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2016 г. Сергей Герасимович Павликов¹,
Наталья Борисовна Флейшер²

Авторы аргументируют суждение о том, что эффективность работы суда, реализующего судебную власть, во многом зависит от системы обеспечения судебной деятельности, определяемой как совокупность органов, структур, институтов, которые, базируясь на судебном акте, обеспечивают защиту прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Обосновывается актуальность формирования теории обеспечения судебной деятельности, что обусловлено в том числе потребностями принудительного исполнения судебных актов, минимизации количества судебных ошибок.

The authors the judgment that the effectiveness of the court that implements the judiciary, largely, depends on the system of judicial activity, defined as the combination of bodies, agencies, institutions, which are based on a judicial act which protects the rights and freedoms of citizens, interests of society and the state. Accordingly, the necessity of formation of the theory of judicial activity because of the needs of the judicial acts compulsory enforcement, minimize the number of judicial errors.

Ключевые слова: государство, право, суд, власть, судебная власть, судебная деятельность, судебная практика, система, адвокатура, адвокат, нотариус, нотариат, прокуратура.

Key words: state, law, court, power, judicial authority, judicial practice, judicial activity, system, the bar, lawyer, notary, notariate, Prosecutor's office.

Суд является одним из самых активных правоприменительных органов. Судебная власть позволяет во многом охарактеризовать степень приближения конкретной страны к реалиям правового государства, а судебная деятельность – сформировать тот или иной уровень уважения к суду: от полного его отрицания населением до уровня реального авторитета.

Значительно актуализируются проблемы уяснения сущности, а главное – перспектив развития указанных институтов в период нестабильной геополитической обстановки, попыток посягательства на суверенитет Российской Федерации, что неизбежно обуславливает увеличение количества сторонников так называемой концепции сильного государства, авторитетной централизованной власти. Представляется справедливым

мнение В.Д. Зорькина, который, констатируя необходимость сильной президентской власти, отмечает: “Чем сильнее эта власть, тем больше должен утверждаться режим законности. Тем более дееспособной должна становиться власть судебная”³. Соответственно, для России в современных условиях роль судебной власти трудно преувеличить. Однако, как пишут исследователи, “важна она не только своим существованием, а действительностью и применимостью в реальной жизни нашего общества”⁴.

В юридической литературе ранее практически не использовался термин “судебная деятельность”, а употреблялось понятие “судебная власть”. Так, Н.А. Колоколов полагает, что судебная власть – это разновидность государственной власти, особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлены способностью социума при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов на основе норм права, обеспечиваемый мощью

¹ Заведующий кафедрой “Конституционное и муниципальное право” Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: 89152499929@mail.ru).

Sergey Pavlikov, head of the Department of Constitutional and municipal law Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (E-mail: 89152499929@mail.ru).

² Нотариус Магнитогорского нотариального округа (455026, г. Магнитогорск, ул. К. Маркса, д. 94).
Natalya Fleischer, notary district of Magnitogorsk (455026, g. Magnitogorsk, ul. K. Marks, d. 94).

³ Зорькин В.Д. Правовая трансформация России: вызовы и перспективы // Доктрины правового государства и верховенство права в современном мире. Сб. ст. / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М., 2013. С. 38.

⁴ Калинина Н.С. Деятельность судебной системы по вопросам реализации судебной власти // Росс. судья. 2014. № 4. С. 11–13.

государства. С его точки зрения, выделение *судебной власти* в самостоятельную ветвь *власти* возможно лишь в том случае, если в обществе уже сложились и успешно функционируют законодательная и исполнительная ветви государственной *власти*. Главным назначением *судебной власти* является разрешение политических, социальных, экономических и прочих видов конфликтов. Кроме того, *судебная власть* обладает, по мнению Н.А. Колоколова, следующими характеристиками: она реальна, ей присущи все видовые, родовые признаки и черты, свойственные любой иной власти; как любое иное социальное явление существует только в динамике; в пределах своей компетенции сильнее любой организации или индивида, обладающих той же компетенцией на территории конкретного государства; одновременно носит частноправовой и публично-правовой характер; проявляется в правоприменительной, правотолковательной и правотворческой сферах; не существует вне нормативного регулирования; опосредуется в правосудии (процессах), его результатах (судебных актах); является своеобразным источником *права*⁵.

“Судебная власть, — отмечают исследователи, — являясь ветвью государственной *власти*, выполняет государственную функцию — функцию защиты прав и свобод личности. Выделение судебной защиты в самостоятельную функцию государства обусловлено объективными потребностями общественного развития. Судебная власть — это новый... правовой феномен, образовавшийся на базе разделения государственной *власти* на три ее ветви. Судебная власть при этом выступает как ветвь, которая способна препятствовать произволу других ветвей *власти*. Если законодательная власть призвана принимать законы, исполнительная — проводить их в жизнь, то *судебная* — осуществлять защиту по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина”⁶.

Существование *судебной власти* обусловлено интересом общества в поддержании правового и социального порядка, а ее государственная природа — обязанностью государства этот порядок поддерживать⁷. Содержанием *судебной власти*

является определение действительной государственной воли в процессе индивидуального правоприменения. “Возможность и обязанность самостоятельно, от имени государства определить действительную государственную волю, выразить ее в специальной относительно спора и обязательной для всех участников спорного отношения и для всех органов исполнительной *власти* норме (акте, требовании) определяет содержание *судебной власти*, ее специалитет и место в системе государственной *власти*. Эта возможность образует уникальный властный ресурс *судебной власти*, определяет ее место в системе органов государственной *власти*”⁸.

Фактически аксиоматична точка зрения о том, что *судебная власть* есть самостоятельная ветвь государственной *власти*⁹; в советский период, особенно на раннем его этапе, эта идея, как известно, отвергалась. Деятельность судов была долгое время подчинена задаче рассмотрения гражданских и уголовных дел. Но, хотя суды были ориентированы также на воспитательно-профилактические функции, все же суд фактически являлся звеном государственного аппарата. С провозглашением идеи правового государства, с признанием в Конституции РФ *судебной власти* в качестве самостоятельной и независимой ветви государственной *власти* стала создаваться определенная теоретическая база для расширения социальной роли суда, что постепенно нашло отражение в законодательстве¹⁰.

Многие исследователи приходят к выводу, что *судебная власть* обладает сложной юридической природой, выступает “как непосредственное слияние *власти* и *права*”¹¹, либо делают вывод о том, что само ее определение “еще ждет своего решения”¹². Действительно, можно констатировать наличие самых различных подходов к уяснению сущности данного феномена в юридической литературе. Так, некоторые ученые характеризуют *судебную власть* как “самостоятельное публично-правовое образование, представляющее собой систему специальных

⁵ Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. Дисс. ... доктора юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 12.

⁶ Гуськова А.П., Муратова Н.Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. М., 2005. С. 6.

⁷ См.: Черкасов К.В., Цыганаш В.Н. К вопросу о механизме адаптации судебной власти к различным общественным системам // Росс. судья. 2010. № 5. С. 31–34.

⁸ Цыганаш В.Н. Судебная власть: понятие, технология, институт (Концептуальный анализ). Ростов-н/Д., 2009. С. 234.

⁹ См.: Конституционное право Российской Федерации. Учеб. / Отв. ред. С.И. Носов. М., 2014. С. 139, 140.

¹⁰ См.: Фоков А.П. Судебная власть в системе разделения властей // Росс. судья. 2009. № 11. С. 2, 3.

¹¹ Терехин В.А. Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан (Вопросы теории и практики). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 12.

¹² Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1989. С. 38.

государственных и муниципальных органов”¹³, как “принадлежащее *судам*, составляющим единую судебную систему государства, исключительное полномочие по разрешению возникающих в правовой сфере жизни общества социальных конфликтов с использованием установленной законом процедуры, реализуемое в форме конституционного, гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства”¹⁴. Другие же полагают, что она “есть независимая и самостоятельная ветвь государственной власти, которая на основе права разрешает социальные конфликты, следит за соответствием нормативных и правоприменительных актов Конституции Российской Федерации и законам, а также устанавливает юридически значимые факты. Основной формой реализации судебной власти являются все разновидности правосудия”¹⁵.

По мнению ряда авторов, судебную власть можно охарактеризовать как институт, где “на основании права может осуществляться разрешение правовых споров или конфликтов с целью обеспечения стабильности социальных отношений”¹⁶. Понимают под судебной властью и “особую разновидность государственной власти, осуществляемую через систему специально уполномоченных государственных органов – судов, реализуемую отдельными должностными лицами – судьями, действующими на профессиональной основе, для выполнения правоприменительных функций с использованием ими принуждения, имеющую специальные задачи и способы их обеспечения”¹⁷, а также “самостоятельную ветвь государственной власти, созданную для отправления правосудия и реализации иных функций исключительно конституционно учрежденными органами – судами, обладающими всей полнотой судебной компетенции, осуществляющими властные полномочия на основе закона с соблюдением установленных процессуальных форм”¹⁸.

М.Н. Марченко полагает, что судебная власть есть публично-правовое явление, выступающее

не только в традиционной для нее правоприменительной и тесно связанной с ней правотолковательной форме, но и нормотворческой¹⁹. Другие ученые указывают, например, на наличие взаимосвязи конституционного принципа народовластия и сущности судебной власти, понимая под последней предоставление специально уполномоченным органам – судам в лице судей, присяжных и арбитражных заседателей властных полномочий по осуществлению правосудия и других функций, реализуемых в целях защиты конституционного строя, политической и экономической системы, прав и законных интересов граждан, физических и юридических лиц²⁰. В.И. Анишина считает, что судебная власть есть “особая власть, правовая природа которой такова, что она в различных правовых системах призвана осуществлять одну и ту же функцию – правосудия, защиты прав и свобод человека и гражданина, функцию контроля за тем, чтобы государство было ограничено правом в своих властных проявлениях”²¹. Некоторые исследователи высказывают мнение о том, что судебную власть следует охарактеризовать как часть государственной власти, проявляющуюся во властных полномочиях специализированных органов (судов), способных привести в действие аппарат государственного принуждения с помощью реализации установленных законом притязаний, в силу наличия определенного превосходства в знании закона и беспристрастности в умении его применять, основанную на единстве интересов отдельных социальных групп и общества в целом и предназначенную для защиты субъективных прав и интересов человека и гражданина²².

Можно обнаружить и небесспорную позицию, согласно которой, “несмотря на исключительную роль и место судов в правовом государстве, в силу принципа разделения власти они не теряют качества правоохранительного органа. Отнесение судов к числу правоохранительных органов не умаляет их статуса, места и роли в системе правовой охраны. Во-первых, отнесение суда к числу правоохранительных органов не означает лишения его независимости и подчинения каким-

¹³ Дмитриев Ю.А., Чермных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Гос. и право. 1997. № 8. С. 48.

¹⁴ Шейфер С.А., Яблоков В.А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность. Самара, 1999. С. 192.

¹⁵ Судебная власть / Ред. И.Л. Петрухин. М., 2003. С. 7.

¹⁶ Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003. С. 75.

¹⁷ Вяткин М.Ф. Конституционно-правовое регулирование судебной власти в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 8.

¹⁸ Завражнов Е.В. Судебная власть в Российской Федерации: общетеоретические вопросы и проблемы реализации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 6.

¹⁹ См.: Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2007. С. 17.

²⁰ См.: Селезнева Н.М. Статус суда в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 32.

²¹ Анишина В.И. Принципы международного права и судебная власть в Российской Федерации // Международно-правовые стандарты в конституционном праве. Сб. науч. трудов. Ч. 1. М., 2006. С. 249.

²² См.: Красюкова (Рябцева) Е.В. Этнос судебной власти // Росс. судья. 2007. № 8. С. 23.

либо другим органам. Во-вторых, суд был и остается органом, олицетворяющим *судебную власть*, именно ту *власть*, которая в значительно большей мере и более эффективно, чем другие ветви государственной *власти*, способна охранять *право*. Принадлежность *судов* к самостоятельной ветви государственной *власти* следовало бы рассматривать как обстоятельство, в силу которого за ними признается особый статус среди иных органов, стоящих на страже *права*, как веское основание для утверждения, что *суды* есть вершина всей *системы* правоохранительных органов”²³.

Данная позиция в контексте ее изложения Н.В. Витруком разделяет правоохранительные и карательные функции *суда*, но в понимании некоторых других авторов фактически предполагает их смешение, что по меньшей мере сомнительно. О карательной функции *суда* много сказано в классической художественной литературе. Так, Л.Н. Толстой устами своих героев выражает такую позицию: “Что ж мировой судья... Держится все волостным *судом* да старшиной. Этот отпорет его по-старинному...”²⁴. По М.Е. Салтыкову-Щедрину, “потребность творить *суд* и расправу так широко развилась в обществе, что начинает подтачивать и его существование”²⁵.

Следует отметить, что в дореволюционной России имела место так называемая концепция полноты *судебной власти*. В XIX в. после вступления в силу Уставов появились исследования, посвященные анализу этого феномена применительно к российской пореформенной действительности²⁶. К сущностным признакам *судебной власти* были отнесены ее легальность, полнота, исключительность и самостоятельность²⁷. Важно, что приращение *судам* полноты *судебной власти* распространялось не только на компетенцию *судов* по рассмотрению и разрешению правовых конфликтов, которая Судебными уставами была расширена, но и на вопросы организации их деятельности, включая вопросы создания должных условий деятельности *судов*, их кадрового обес-

печения, контроля за дисциплиной чинов судебного ведомства и др.²⁸

Представляется обоснованной позиция, согласно которой на современном этапе большинство членов юридического сообщества осознают как теоретическую, так и практическую значимость разграничения понятий “правоохранительный орган”, “судебная власть”, “правосудие”, “судебная деятельность”. Прежде всего отметим, что такой подход позволяет обосновать утверждение о том, что не все вопросы “подвластны” *суду*; так, например, исполнение судебного акта осуществляется службами, непосредственно *суду* не подчиненными. Таким образом, “создание самостоятельной службы судебных приставов отменило принцип двойного подчинения, судебный контроль в исполнительном производстве обрел чисто процессуальный характер и перестал быть исключительной прерогативой *судов*”²⁹.

Указанное обстоятельство во многом предопределило более активное использование термина “судебная деятельность”³⁰. Под ним исследователи в настоящее время понимают “способ существования *судебной власти*, выражающийся в деятельности *судов* по осуществлению правосудия (непосредственно *судебная деятельность*) и деятельности *судов* по повышению эффективности своего функционирования (вспомогательная *судебная деятельность*)”. При этом отмечается, что “в своей совокупности непосредственно *судебная деятельность* – деятельность *судов* по осуществлению правосудия и вспомогательная *судебная деятельность*. Каждая по-своему служит достижению их общей главной цели – обеспечению в обществе правопорядка, что, в свою очередь, способствует нормальному существованию, функционированию и развитию общества”³¹.

Используют для характеристики фактически аналогичных категорий и иные термины. Например, Э.М. Мурадян оперирует понятием “судебная жизнь”, понимая под ним “нормальную форму существования *суда*, его функциональное состояние, соответствующее потребностям опре-

²³ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2008. С. 88.

²⁴ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 1976. С. 422.

²⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. М., 2010. С. 91.

²⁶ См.: Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал рос. права. 2014. № 12. С. 16–31.

²⁷ См. подробнее: Филиппов М.А. Судебная реформа в России. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1871. С. 39–47, 424–622; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. С. 107–111; и др.

²⁸ См.: Бурдина Е.В. Общие собрания судей судов по Учреждению судебных установлений 1864 года как форма судебного самоуправления // История государства и права. 2013. № 23. С. 2–7.

²⁹ Павин Д.В. Функции и полномочия суда в отношении исполнительных документов // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 4. С. 28–34.

³⁰ См., например: Власенко Н.А., Власенко А.Н. Судебная власть и судебная деятельность в Российской Федерации. Краткий курс лекций. М., 2005; 2008.

³¹ Носков И.Ю. Сущность и классификация судебной деятельности // Современное право. 2014. № 4. С. 108–113.

деленных субъектов *права* в той или иной судебной процедуре, в прояснении или разрешении конкретной юридической ситуации”³². С этим феноменом, по мнению некоторых авторов, тесно связана категория “судебная политика”, которая должна содержать в себе “выработанную стратегию и тактику развития судебной жизни, ориентиры (цели и средства) для нее. В свою очередь, судебная жизнь представляет собой одновременно истоки и сферу проявления судебной политики, выступает ее объектом”³³.

Однако следует признать обоснованность употребления в отношении всей совокупности отношений, связанных с генезисом судопроизводства, разбирательством дела и исполнением судебного акта, именно термина “судебная деятельность”. Так, В.П. Кашепов, характеризуя мероприятия, направленные на повышение качества правосудия, создание условий по обеспечению судебной защиты и *права* каждого на разбирательство его дела независимым и беспристрастным судом, созданным в соответствии с законом, включая *право* на безусловное и своевременное исполнение судебных актов, совершенно справедливо пишет, что “непременным общим условием выполнения этой задачи является более полное законодательное обеспечение *судебной деятельности*”³⁴. Этот термин, как отмечалось, охватывает (по сравнению с термином “судебная власть”) более широкую сферу общественных отношений, включающую в себя, например, исполнение судебного решения, и т.п.

Деятельность *суда*, реализующего *судебную власть* посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ), на наш взгляд, нуждается в дополнении деятельностью *системы*, которую с известной долей условности можно назвать как “система обеспечения *судебной деятельности*”. Охарактеризуем основные элементы и принципы функционирования этой системы, определяемой нами как совокупность органов, структур, институтов, которые, базируясь на судебном акте, обеспечивают защиту прав и свобод граждан, интересов общества и *государства*.

Роль и значение основного “адресата” этой системы – *суда* – трудно переоценить, ибо “достойный *суд* есть самый поздний плод самого зрелого общества”³⁵. Как замечает М.В. Байтеева, римляне обоснованно полагали: “*Право* есть то, что применяют в *суде*”, – что в этот период времени понималось весьма конкретно: как обычное *право*, соединявшее *право* и мораль³⁶. Среди источников *права* наряду с законом, судебным прецедентом и договором выделяли обычное *право*, под которым понимали все неписаное, но “правильное” с точки зрения справедливости *право*. В этой концепции имел место и такой подход, согласно которому об обычном *праве* говорили только там, где судья пытался в своей оценке связать внешнее и формальное *право* с собственными суждениями, которые были продуктом определенного опыта”³⁷.

Представляется, что в современном мире важна роль не только и не сколько формальных аспектов судопроизводства (например, мы не склонны гиперболизировать роль статистических данных “о неуклонном росте количества рассмотренных дел”), но и *судебной практики* в контексте ее направленности на обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Как пишет В.В. Ершов, “важно подчеркнуть необходимость взгляда на *судебную практику* как на устоявшуюся линию в деятельности судебных органов, ибо к *судебной практике* (разрешению однотипных дел аналогичным образом) можно отнести лишь правоположения, воспринятые судебными инстанциями при рассмотрении конкретных дел”³⁸. И на более современном этапе под *судебной практикой* понимают “проводимые в решениях взгляды судей на какой-либо правовой вопрос в виртуальном пространстве, имеющие руководящее значение при решении *судами* аналогичных вопросов в дальнейшем”³⁹.

Имеет место так называемый “широкий” подход в понимании *судебной практики*. “Судебная практика в широком смысле этого слова, – отмечал В.П. Реутов, – это деятельность *судов* по издаванию судебных актов, ведущих к возникновению, изменению или прекращению правоотношений”⁴⁰.

³⁵ Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. Т. 1. М., 1991. С. 259.

³⁶ См.: Байтеева М.В. Гражданское общество и государство. Генезис и проблемы развития. Казань, 2008. С. 274.

³⁷ См.: Feser A. Das Recht im Juristischen Denken. Baden-Baden, 1996. S. 84.

³⁸ Ершов В.В. Судебное правоприменение (Теоретические и практические проблемы). М., 1991. С. 68.

³⁹ Рассолов И.М. Теоретические вопросы Интернет-права. М., 2002. С. 24.

⁴⁰ Реутов В.П. Юридическая практика и развитие законодательства. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 72.

³² Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007. С. 65.

³³ Малько А.В., Афанасьев С.Ф. Российская судебная политика: особенности формирования с учетом национальных и международных аспектов // Гос. и право. 2014. № 7. С. 20, 21.

³⁴ Кашепов В.П. Реализация конституционных положений об основах судебной власти // Журнал рос. права. 2010. № 10. С. 25–36.

Более того, “судебная практика в широком значении охватывает деятельность всех звеньев судебной системы по рассмотрению конкретных судебных дел”⁴¹. С точки зрения В.В. Ершова, в понятие уже юридической практики следует включать не только правотворческую, правоприменительную, но и ту часть правореализационной практики, которая представлена практикой добровольной реализации правовых норм: соблюдение, исполнение и использование⁴².

В чем состоит теоретическое и практическое разграничение категорий “судебная власть” и “судебная деятельность”? Прежде всего в том, что “добровольная реализация” актов суда далеко не всегда имеет место и для эффективного осуществления судебной власти. Для минимизации количества ошибок в целях качественного отправления правосудия необходим такой элемент системы обеспечения судебной деятельности, как институт принудительного исполнения судебных актов.

Отметим, что ниже будут рассмотрены институты (элементы системы обеспечения судебной деятельности), которые только в идеале должны стать звеньями этой системы, ибо сейчас их взаимодействие не носит сбалансированного характера. Подтвердить этот тезис позволит обращение к институту исполнения судебных актов. Полностью разделяем мнение о том, что “основной причиной возникновения недостатков исполнительного производства, в том числе и по исполнению судебных решений о взыскании компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, является размежевание функций осуществления правосудия судьями с исполнительными функциями соответствующих органов”⁴³. В целом надо признать справедливым и высказывание о том, что “судья в силу особой значимости процедурных вопросов, находящихся под его прямой ответственностью, недостаточно внимательно относится к вопросам, связанным с исполнением решений, находящимся вне его компетенции и за которые он не несет такую прямую

ответственность, как при разрешении дела по существу и вынесении правосудного решения”⁴⁴.

На наш взгляд, в настоящее время уровень исполнения судебных решений достаточно низкий во многом в силу вышеуказанного обстоятельства. Например, исследователи отмечают, что исполняется только каждое третье решение судов общей юрисдикции и каждое четвертое решение арбитражных судов⁴⁵.

Конечно, препятствуют эффективности “итогового” этапа судебной деятельности и иные причины. По данным Федеральной службы судебных приставов (ФССП), по сравнению с 2012 г. средняя нагрузка на одного судебного пристава-исполнителя в 2013 г. выросла примерно на 7% (с 2097 до 2252 исполнительных производств). Необходимо обратить внимание на то, что в последние годы на федеральном уровне множество мер было направлено на повышение эффективности системы принудительного исполнения; это и введение такой меры, как ограничение выезда должника из страны, предусмотренной ч. 1 ст. 67 Федерального закона “Об исполнительном производстве” от 2 октября 2007 г., предоставление ФССП права получать персональные данные у любых лиц и организаций, в том числе у операторов связи, в целях решения задач исполнительного производства, увеличение минимальных сумм исполнительского сбора и т.п.⁴⁶

Рассмотрим и такой потенциальный элемент системы обеспечения судебной деятельности, который в еще большей степени “отдаляем” от суда в силу объективных и субъективных факторов, как институт адвокатуры. С одной стороны, отношение к этому институту, к сожалению, уже давно оставляет желать лучшего. У Ф.М. Достоевского в романе “Братья Карамазовы” есть такие строки: «Русский народ давно уже назвал у нас адвоката – “аблакаты – нанятая совесть”. Адвокат кричит в защиту своего клиента. “Дело, дескать, такое простое... отец посек девочку, и вот, к стыду наших дней, дошло до суда!” Убежденные присяжные удаляются и выносят оправдательный приговор. Публика ревет от счастья, что оправдали мучителя»⁴⁷. Пророческими представляются

⁴¹ Ткешеладзе Г.Т. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975. С. 14.

⁴² См.: Ершов В.В. Указ. соч. С. 67.

⁴³ Доровских Л.И. Особенности исполнения судебных решений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Исполнительное право. 2014. № 1. С. 8–11.

⁴⁴ Суворова И.М., Мирза Л.С. Исполнение судебных решений в отношении публично-правовых образований и финансовая ответственность государства. М., 2012. С. 720.

⁴⁵ См.: Халатов С.А. Повышение эффективности исполнения судебных актов арбитражных судов процессуальными инструментами косвенного принуждения // Московский юрист. 2013. № 3. С. 24–35.

⁴⁶ См. подробнее: Лейба А. Судебный акт исполнению рад // ЭЖ-Юрист. 2014. № 24. С. 1, 4.

⁴⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1991. С. 253.

нам слова Ф. Кафки о том, что “суд, собственно говоря, защиту не допускает, а только терпит ее, и даже вопрос в том, возможно ли истолковать соответствующую статью закона в духе такой терпимости, тоже является спорным”⁴⁸. Не менее поражает своей связью с современными реалиями и его высказывание о том, что “уже одно, что им /адвокатам/ предоставлена /в суде/ тесная низкая комната, говорит о презрении, которое суд питает к этим людям... Впрочем, и это отношение к адвокатам вполне обоснованно. Защитника, вообще хотят, насколько возможно, отстранить, вся ставка делается на самого обвиняемого”, “организация судебного аппарата на низших ступенях не вполне совершенна, там много нерадивых и продажных чиновников, из-за чего в строго замкнутой системе суда появляются брешы. В них-то по большей части и протискиваются всякие адвокаты...”⁴⁹.

Разумеется, юрист-профессионал всегда осознавал, что “между защитником и тем, кто в тревоге и тоске от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души. Ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой скрываеваемый от других позор такими подробностями личной жизни и семейного быта, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухой”⁵⁰. На более современном этапе Ю.И. Стецовский отмечал, что “сейчас должностные лица – выпускники юридических учебных заведений – мало знакомы с порядком оказания юридической помощи, поскольку в учебных планах и программах повседневное внимание адвокатуре почти не уделяется. В результате у студентов вырабатывается отношение к адвокатуре как к чему-то вспомогательному, второстепенному”⁵¹.

Адвокатуру можно охарактеризовать как потенциальный элемент системы обеспечения судебной деятельности, способствующий минимизации количества судебных ошибок, неисполнения судебных актов и т.п. Однако все чаще сами адвокаты утверждают, что необходимо содействовать укреплению адвокатуры как института гражданского общества, защищать ее независимость, самоуправление⁵². Так, по мнению Г.М. Резника,

“основная проблема заключается в том, что в Российской Федерации отсутствует независимая судебная власть. В частности, в уголовном суде господствует обвинительная репрессивная установка”. Он утверждает, что “в профессиональном суде практически нет оправдательных приговоров (меньше 1 процента)”, ибо «никак не удастся внедрить в практику простую мысль: суд не борется с преступностью, он решает правовой спор между сторонами обвинения и защиты и толкует неустранимые сомнения в пользу обвиняемого. А когда изначально у суда обвинительная установка, когда презумпция невиновности “отдыхает”, тогда, понятно, защищать крайне тяжело»⁵³. В 2012 г. из всех постановленных судами общей юрисдикции по первой инстанции приговоров оправдательными были лишь 0.68%. Наряду с указанным по уголовным делам, рассмотренным судом в составе одного судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из 12 присяжных заседателей, подобные дела составили 15.58%⁵⁴.

Более того, в юридической литературе все чаще говорится о конфронтации адвоката с судом⁵⁵. Фактически же речь идет о негативной ситуации в сфере развития судебной деятельности, когда, как отмечает Г.К. Шаров, «адвокат должен постоянно доказывать, что он не “тварь дрожащая”, а право имеет»⁵⁶. Многие исследователи полагают, что в Российской Федерации “суд совершенно не отвечает своему предназначению быть объективным арбитром между сторонами, над ним полностью отсутствует гражданский контроль общества, а процессуальные регулятивные нормы судебного процесса совершенно не касаются данной сферы – процессуального взаимоотношения сторон и суда в условиях конфронтационных ситуаций”⁵⁷. Причем состояние “конфронтации одной или нескольких сторон, а точнее, их представителей – адвокатов с председательствующим процессом в таких судах – явление не просто частое, а чрезвычайно частое. Достаточно спросить любого адвоката на эту тему, достаточно почтять любой кассационный или апелляционный документ, достаточно обратиться к российской

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: Шмелев А.Н. Адвокат в суде с участием присяжных заседателей: специфика осуществления защиты // Адвокатская практика. 2013. № 2. С. 5–9.

⁵⁵ См.: Сергеев В. Суд и адвокат: союз в поисках истины или конфронтация? // Мировой судья. 2008. № 3, 4.

⁵⁶ Шаров Г.К. Крик души – не лучший способ защиты прав. Нельзя мириться с нарушением судами порядка оказания юридической помощи адвокатами в уголовном судопроизводстве по назначению // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2013. № 4. С. 165–168.

⁵⁷ Сергеев В. Указ. соч.

⁴⁸ Кафка Ф. Процесс. М., 2009. С. 263.

⁴⁹ Там же. С. 264, 265, 267.

⁵⁰ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. М., 1967. С. 53.

⁵¹ Стецовский Ю.И. Адвокатура и государство. М., 2007. С. 15.

⁵² См.: Оводов А.А. Прежде всего должен быть независимый суд... (Интервью с президентом Адвокатской палаты Москвы Г.М. Резником) // Юрид. мир. 2008. № 7. С. 34.

прессе и воочию можно лицезреть всю юридическую, социальную, моральную и нравственную глубину этого конфликта”⁵⁸.

Вместе с тем объективность научного исследования требует отметить, что могут иметь место случаи, когда и *адвокат* злоупотребляет своими правами. Так, согласно ч. “b” § 3162 разд. 18 Свода законов США при установлении небрежности либо злоупотреблений защитника (так же, как и прокурора), в результате которых при производстве по делу были допущены грубые нарушения сроков, в том числе приведшие к необоснованно продолжительному содержанию обвиняемого под стражей, рассматривающий дело судья наделяется правом лишить защитника до 25% полагающегося ему гонорара, отстранить от участия в рассмотрении дел в судах до 90 дней, направить представление в дисциплинарную комиссию⁵⁹.

Таким образом, как вполне обоснованно указывают ученые, взаимоотношения между представителями правозащитной и *судебной деятельности* при рассмотрении уголовного или гражданского дела должны базироваться на строгом соблюдении как *адвокатом*, так и судьей предоставленных им законом прав и обязанностей в соответствии с возложенными на них целью и задачами⁶⁰. Участвуя в судебном процессе, защитник или представитель стороны должны так построить свои отношения с *судом* и председательствующим, чтобы последние видели в нем достойную личность, настоящего профессионала, заинтересованного в законном разрешении уголовного или гражданского дела. Создание таких отношений во многом зависит и от судьи, который должен благожелательно и внимательно относиться к законным и мотивированным ходатайствам *адвоката*⁶¹.

Полагаем необходимым обратить внимание на то, что ни при каких обстоятельствах в научных исследованиях не следует противопоставлять правозащитную и *судебную деятельность*, выявлять в ней только начала конфронтации. Так, именно суд зачастую защищает *права адвокатов*. В частности, на недопустимость проведения обысков

без санкции *суда* в занимаемых *адвокатами* помещениях указано в Определении Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О⁶².

Европейский Суд по правам человека особо подчеркнул центральную роль профессии *адвоката* в отправлении правосудия и поддержании верховенства *права*⁶³. Он отметил, что свобода адвокатской работы является существенным компонентом демократического *государства* и необходимой предпосылкой для воплощения в жизнь требований Конвенции о защите прав и основных свобод. Преследование или запугивание представителей *адвокатуры* ставят под сомнение ценности правового *государства*.

Полиция и *прокуратура* также могут быть рассмотрены как элементы *системы судебной деятельности*. Многие авторы фактически акцентируют внимание на необходимости формирования более целостной *системы: суд – прокуратура*; они утверждают, в частности, что “сегодня начинают отчетливо проявляться три концептуальных элемента, вокруг которых вращаются процессы реформирования российского предварительного следствия: 1) разрыв следствия и *прокуратуры*; 2) создание единого следственного органа; 3) введение особой должности следственных судей”⁶⁴.

Безусловно, в рамках настоящей статьи невозможно охарактеризовать все элементы (тем более потенциальные) *системы обеспечения судебной деятельности*; тем не менее с учетом профессии одного из ее авторов представляется уместным обратиться к вопросу о соответствующей роли института *нотариата*. В юридической литературе доминирует мнение о том, что современные реалии социально-экономического развития *государства* и общества требуют перехода к более активной модели *нотариата*, которая не ограничивалась бы возложением на нотариусов лишь удостоверительных функций. В рамках активной модели перед *нотариатом* ставится задача по комплексному оказанию юридической помощи

⁵⁸ Приговор. Суд отказал Александяну в лечении и оставил его умирать в СИЗО (О судебном процессе в Симоновском районном суде Москвы) // Новая газ. 2008. № 8. С. 1–3; Китай вам не Израиль (О судебном процессе над академиком Решетиным в Лефортовском районном суде Москвы) // Дуэль. 2007. № 52.

⁵⁹ См.: Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 239.

⁶⁰ См.: Сергеев В. Указ. соч.

⁶¹ См.: Пилипенко Ю.С. Некоторые аспекты взаимоотношений адвокатов с правоохранительными органами и судом // Адвокатская практика. 2007. № 2. С. 11.

⁶² См.: Определение Конституционного Суда РФ “По жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” от 8 ноября 2005 г. // Росс. газ. 2006. 31 янв.

⁶³ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 ноября 2003 г. по делу “Элчи и другие (Elci and Others) против Турции” (жалоба № 23 145/93) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 3.

⁶⁴ Головки Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–16.

всем заинтересованным участникам гражданского оборота на равных условиях⁶⁵.

Так, в правовом *государстве* при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ). Такое требование призвано обеспечить соблюдение *прав* и свобод человека и гражданина; его выполнение предполагает обмен данными и в целом активное взаимодействие правоохранительных, судебных и иных органов, включая *нотариат*, где нередко консолидируется информация, требующая адекватного реагирования со стороны компетентных государственных структур⁶⁶. Своевременность обращения к указанной проблематике обусловлена специфичностью информации, получаемой нотариальным сообществом; например, для фиксации информации, находящейся в сети Интернет, заинтересованные лица стали чаще обращаться к *нотариусам*, что свидетельствует о целесообразности исследования перспектив нотариальных действий.

В целом следует отметить, что история развития *нотариата* в России связана с *судом*. Начиная с XVIII в. *нотариат* относился к судебному ведомству, нотариальные действия совершали либо судьи, либо *нотариусы*, считавшиеся должностными лицами *суда*⁶⁷. Участие *нотариата* в обеспечении *судебной деятельности* подтверждает и обращение к зарубежному опыту, в частности стран Балтии⁶⁸. Первые положения гл. 1 Закона Латвийской Республики “О *нотариате*” закрепляют: “1. Ведение нотариальных дел под надзором судебных учреждений поручается *присяжным нотариусам* в установленном настоящим Законом порядке. 2. Присяжными *нотариусами*

являются принадлежащие к судебной системе лица, которые осуществляют свою деятельность при окружных *судах* и выполняют установленные для них законом обязанности. 3. В области должностной деятельности *присяжные нотариусы* приравниваются к должностным *нотариусам* государственной службы”. Как указывает О.В. Романовская, “закон взял модель, при которой общие функции *нотариата* и *суда* позволяют объединить два этих ведомства в организационном плане”⁶⁹.

В России *нотариус* сегодня “действительно осуществляет превентивные функции, которые позволяют предотвратить возникновение судебного разбирательства или упростить его осуществление для сторон”⁷⁰. Более того, *нотариат* имеет все перспективы активизировать взаимодействия и с другими институтами, которые в перспективе образуют *систему обеспечения судебной деятельности*. Так, “в ближайшее время согласно достигнутым соглашениям *нотариат* будет подключен к сервису проверки паспортов Федеральной миграционной службы⁷¹, а также к базе данных арестов и запрещений Федеральной службы судебных приставов”⁷².

Итак, эффективность работы *суда*, реализующего *судебную власть*, во многом зависит от *системы обеспечения судебной деятельности*, определяемой как совокупность органов, структур, институтов, которые, базирясь на судебном акте, обеспечивают защиту прав и свобод граждан, интересов общества и *государства*. Соответственно, нами обосновывается и актуальность формирования теории обеспечения *судебной деятельности*, что обусловлено в том числе потребностями принудительного исполнения судебных актов, минимизации количества судебных ошибок.

⁶⁵ См.: Фельцан А.Е. Государственный и частный нотариат: проблемы и противоречия // Нотариус. 2014. № 2. С. 15–19.

⁶⁶ См.: Москаленко И.В., Москаленко М.Н. К вопросу об актуальности изучения роли нотариата в правоохранительной и судебной деятельности (На примере обеспечения доказательственной информации) // Там же. 2013. № 6. С. 8, 9.

⁶⁷ См.: Москаленко М.Н. Взаимодействие правоохранительных органов, нотариата и суда: историко-правовой анализ российского и зарубежного опыта // История государства и права. 2013. № 20. С. 55–62.

⁶⁸ См.: Романовская О.В. К дискуссии о будущем нотариата // Нотариус. 2013. № 5. С. 40–44.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Фомин В.А. Нотариат как один из способов внесудебного урегулирования гражданских правоотношений // Нотариус. 2013. № 2. С. 21–24.

⁷¹ Ныне Главное управление по вопросам миграции МВД России (Прим. ред.).

⁷² Иванова А.Ю. Сотрудничество институтов нотариата и оценки имущества в едином информационном пространстве: проблемы и перспективы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 7. С. 41–44.